

18+

Максим Васюнов

ФАБРИКА ИГРУШЕК

Rideró

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
«ЛИЦЕЙ»
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА
ДЛЯ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ
И ПОЭТОВ

Максим Васюнов

**Фабрика игрушек.
«Дымные» рассказы**

«Издательские решения»

Васюнов М.

Фабрика игрушек. «Дымные» рассказы / М. Васюнов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-537722-7

Драки на футбольном стадионе, разборки с сектантами, поножовщины, пожары, погромы, погони; мафия, менты, фанаты, фанатики, воры, бомжи, работяги, звезды... Вот лишь некоторые события и герои этой автобиографической книги. Просто автору дважды повезло — родился накануне девяностых в Нижнем Тагиле, потом стал журналистом. В маленьком городе легко делать новости! С рассказами — сложнее. Как написать честный портрет первого свободного поколения? На помощь писателю приходят дым и елочные игрушки. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-537722-7

© Васюнов М.
© Издательские решения

Содержание

Фабрика игрушек	6
Осень на пилораме	11
Убегая от дыма	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Фабрика игрушек «Дымные» рассказы

Максим Васюнов

© Максим Васюнов, 2021

ISBN 978-5-0053-7722-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Фабрика игрушек

... сразу удар в голову, еще один – в живот; трое повисают на мне, как шимпанзе на огромном клоуне. Реприза «Свали лоха». Костяшки прокуренных кулаков царапают переносицу и щеки, рвут спецовку, кеды вязнут в грязи.

Надо отбиваться, работать руками, ногами. И дышать. Дышать. Но в нос бьет кислый воздух – рядом дымит коксохим.

Все против меня.

Отбиваюсь и начинаю ржать – побочный эффект быстрого выброса адреналина, ржу от того, что несколько крепких гопарей не могут меня завалить.

Реприза не удаётся. Невидимые зрители мучаются от стыда.

И смешно, и страшно – если свалят, запинаят до реанимации, но главное – вытащат телефон, а мне никак нельзя его терять – денег на новый заработаю нескоро. За телефон и стою.

– Кабан, сука, – рычит кто-то из кодлы, я даже не вижу его лица, бью наотмашь. По хрусту, который по неопытности можно спутать с треском сухой ветки под ногами, понимаю – зарядил в переносицу. Гопарь утыкается клювом куда-то в кусты, орет благим матом.

Трое других не теряют надежду закопать меня прямо здесь.

... И зачем я согласился пойти за пивом среди ночи? Лучше бы лёг спать. Но бригадир – бывший афганец – предупредил ещё в первую мою смену: «Запомнить надо только два пункта. Пункт первый: если увижу, что спишь, даже когда нет работы – выпну».

Про «бухать» он не говорил ни слова.

Мы делали плёнку, наш завод занимал первые два этажа бывшей фабрики игрушек – панельного здания размером с современный торговый центр. Сама фабрика была трёхэтажной. Но что было над нами, мы не знали – второй пункт бригадира звучал так: «Никогда не вздумай подниматься на третий этаж. Увижу – ушатаю».

Однажды я все-таки не выдержал и поднялся. Это случилось часа за два до того, как мы с напарником пошли за пивом.

Напарник мой – имя уже забыл – на тот момент только недавно откинулся. Сидел за разбой. Мы с ним почти подружились. Вместе мотали и резали плёнку. Когда нас окрикнули по пути из магазина в цех – друган мой скромно и уверенно отошел в сторону. Его будто не заметили.

До сих пор удивляюсь – как так долго мне удавалось устоять под таким катком. Я часто восстанавливал в памяти тот махач, пытался увидеть всё со стороны. Узкая улица, идущая в горку. Параллельно слева тянется бетонный забор, он заканчивается у продолговатого здания нашей фабрики. Часть её освещена единственным горящим в округе фонарём. Правая сторона улицы заставлена двухэтажными бараками. Они и днём-то безликие, ободранные и засеревшие, а ночью – даже не понять, кто кому дарит тень, бараки – ночи, или ночь – баракам. Лишь в одном окне, обклеенном газетой, помню, горел яркий свет. За мелкими буквами и черно-белыми фото располагался известный здесь дешёвый бордель.

Ещё помню акации. Они отделяли шлакоблочную старую дорогу от тротуара, на котором дыр было больше, чем на поеденной молью бабушкиной шали.

В те акации и закатился один из чертей, когда я залепил ему в переносицу.

В этой мизансцене я почему-то вижу себя ободранным медведем или раненым йети. Он мечется в небольшом квадрате, отмахивается от мелких людишек, а они прилипли и с настырностью назойливых детей пытаются поставить медведя на колени.

Но реприза по-прежнему в провале.

...Сил всё меньше, воздух уже не глотаю, а всасываю; подламываются ноги и грудь вот-вот проломится. Стою. Пытаюсь вырваться. Пока не получается. Пацаны бросаются мне под ноги, прыгают на меня и уже почти рыдают от бессилия.

Почти рыдаю и я. Но показывать слабинку перед кодлой – не по понятиям.

...Понятиям я научился на фабрике игрушек. Здесь было много пересидков, которых никуда больше не брали. Выдувать пленку тоннами, сматывать в гигантские, под два-три метра толщиной, крепкие, плотные рулоны, а потом резать их под нужную ширину практически вручную – от такой работы отказывались даже самые нуждающиеся. Поэтому брали всех.

Я попал на фабрику игрушек из-за возраста – в свои семнадцать мне нелегко было найти другую работу.

Ночами, когда нам не подвозили гранулы (из них выдувается плёнка), мы пили чай на посту – так называлась небольшая будка, приподнятая над уровнем пола метра на три. Из её окна хорошо просматривался весь наш цех, закиданный рулонами, заставленный станками. Посередине стояла «выдувка» – внушительный аппарат с конусами, из которых по специальным рельсам ползла пленка: сначала метров на восемь вверх, потом – метров десять параллельно потолку и, наконец, плавно опускалась вниз. Здесь её подхватывали рабочие и набрасывали на вертящуюся балку. На этой балке наматывалась очередная «бомба». Катушка стояла на неровном полу, поэтому её то и дело носило из стороны в сторону, из-за чего плёнка ложилась в рулон неровно. Самой тяжелой работой было удерживать катушку. Это обычно делали два-три человека. Из новичков. Металлические ножки катушки отпрыгивали на бедолаг, отдавливали ноги, били под колени.

Так вот, когда гранулы – мы их называли «зернами» – не приходили, мы коротали ночи за болтовней под цифир. Я был самым молодым в бригаде, поэтому все считали своей обязанностью поучить меня жизни.

Старшим в нашей смене был Рома, мужик лет тридцати, низкого роста, в спортивном костюме и в толстенных очках. Он походил на тренера женской волейбольной команды или на пациента больницы. На деле же на Роме висел срок за налет на магазин.

– Слушай сюда, – начинал он свой урок, – пьяному море по колено, пьяному можно всё. Бить бухого – не по понятиям. Не прав по-любому тот, кто бьёт бухого.

– Я знаю, – осаживал я дерзко, по-подростковому, Рому.

– Да не х.. ты не знаешь. Вот попадешь – понюхаешь. Сюда, слушай, говорю.

Однажды старший рассказал, что прыгать в драке толпой на одного тоже не по понятиям.

...Хрустнувшая переносица снова блестит в метре от меня – черт выкатывается из акации, рядом с ним блестит еще что-то. Нож.

То ли страх смылся в ночь, поняв, что здесь ему ловить больше нечего, то ли кто-то из шимпанзе перебил мне нервы, но ножа я не боюсь. Я уверен и спокоен, как канатоходец.

Спокойствие прекрасно, но не в драке с отбросами.

Я не замечаю, как этот ублюдок пыряет мне в бочину.

Снова – хруст. И это не ветка под ногами. Лопается – внутри меня. Звук – будто трамвай поворачивает на крутом повороте по ржавым рельсам.

Дальше – тишина. Глаза ищут в темноте ответ – что, правда? Вот так сдохну? – и нашаривают фонарь над фабрикой. Свет по-прежнему забирает у ночи кусок фасада и забора. Я замечаю трубу на крыше. Из трубы, неуверенно подергиваясь, вываливается густой дым.

Дым шумит.

...В ночную никто особо не вкалывал. Намотаем рулонов пять – и хватит. А в ту смену и двух не сделали. Старший поругался с женой – веская причина остановить цех. «Че-то нет настроения, ребзе. Ну её нах, дневные доделают» – и в будку.

Снова слушать базар за жизнь, глотая вязкий дым, не хотелось. И я решил побродить по огромному зданию фабрики. Конечно, меня тянуло на верхний этаж. Где-то там когда-то

делали игрушки, это как минимум необычно. И там сейчас явно не пустые стены, иначе бригадир не запретил бы туда подниматься.

К лестнице на третий этаж вел широкий темный коридор. Знакомый до равнодушия. А вот сама лестница пугала своей неизвестностью, как высокая малоизученная гора. Дойдя до её подножия, я с трепетом шагнул на первую ступеньку. Откуда-то сверху сразу повеяло запахом старых подвалов.

Я прошел один пролет, впереди оставался еще один и поворот направо. Я понимал: там тоже должен был быть широкий коридор, а в конце его... Дверь? Закрытая? Решетка? Или путь в цех был свободен?

Вбежав на третий этаж, я достал карманный фонарик. Может быть, сейчас преувеличиваю, но тогда мне показалось, что от луча темнота как бы отшатнулась, как бы испугалась света... С непривычки, будто давно её никто не тревожил. Стало страшно. Беспокойно. Луч царапал бетонный пол, стены, иногда задевал настенные плакаты – мишки олимпийские, мишки белые. Возникла мысль: содрать один на память – это же какой раритет, друзья сойдут с ума от зависти!.. Но адреналин уже делал свою работу, гнал вперед.

Дверей в цех не оказалось. Даже решетки. Вообще ничего. Только гигантский куб темноты, которая за годы уже, кажется, настоялась и спрессовалась – по крайней мере, врезавшись в нее, я обронил фонарь. Он потух и больше не зажегся, как бы я ни крутил его, ни жал на кнопку и ни долбил его пластиковой ножкой о бетонный пол.

Не меньше минуты понадобилось на то, чтобы привыкли глаза, и я смог хоть как-то сориентироваться.

Слева – в метрах пяти от меня – просвечивали огромные панорамные окна. И это меня удивило. Во-первых, в нашем цеху таких не было. Во-вторых, свет был уж очень ярким – на его фоне прорисовывались прожилки и коросты оконной грязи.

Стереть копоть годов было невозможно, даже пытаться не стоило, но так хотелось посмотреть, что так светится!

Стал прощупывать оконные рамы – как-то ведь проветривали раньше это помещение. Осторожно шагая вдоль окон, я пару раз наступил на что-то хрустящее, похожее на стекло, несколько раз от моих кед что-то отлетело в сторону... Наконец, наткнулся на какую-то выступающую из рамы железяку. Тут я только заметил, что рамы эти были вовсе не деревянными, а металлическими, алюминиевыми. Такое я видел впервые. И уж конечно мне пришлось долго ощупывать необычный шпингалет, прежде чем я удивился ещё раз. Шпингалет этот не надо было поднимать вверх, а всего лишь следовало повернуть – что далось не так уж просто, с годами система заржавела. Я даже подумал, что и окно не растворю – наверняка всё уже припаялось друг к другу. Но как только щелкнуло в задвижке, окно поехало. Не влево. Не вправо. А вверх.

Меня тут же обдало холодным воздухом. На узкий подоконник, зависший между стеклами и темнотой, пролился свет. Затем он проскользнул на пол, на мои кеды и стал двигаться по мне вверх, параллельно поднимающемуся окну.

Вместе со светом в фабричный цех попал и запах коксохима, гнили, мокрого железа...

Я не смог дожидаться, пока рама остановится, и, поставив локти на подоконник, выглянул в ночь.

Но ночи за окнами не оказалось.

На горизонте открывалась панорама металлургического завода. Гигантская площадка с десятками цехов, железной дорогой, мощными домнами и сотнями труб, из которых выбивалось пламя или дым – местами красный, местами желтый, но в основном белый. Если на эту картину посмотрит ребёнок, то он наверняка спутает завод с тортом, где вместо коржей слой металла, кирпича и бетона, а вместо свеч – трубы.

И все это освещается миллионами киловатт.

Я заморожено смотрел вперед. Индустриальная мощь лишила меня дыхания. Да что там дыхания! Мне показалось, что я потерял смысл жизни. Настолько моя личная судьба на фоне этой горящей махины, этого монстра, показалась тусклой. Потухни она сейчас, здесь – никто и не заметит. И даже если душа вылетит из меня самой яркой звездой, то над этим горящим городом она промелькнет маленькой искринкой. Промелькнет – и упадет в одну из заводских печей.

Потому что домны в нашем городе топят душами, говорила мне моя бабуля. Она прожила здесь почти семьдесят пять лет.

«И совсем неважно, как умирает человек – от простуды, от рака, под трамваем, или в драке со шпаной. Душу – в топку». «Зачем, бабуля?» «Для очищения, чтобы оттуда вместе с дымом улететь в небо. Спи, спи, Маковка».

Под моей ногой что-то треснуло. Рядом с подошвой кед переливалось оттенками синего какое-то раскрошенное стекло. Я присел на корточки, чтобы пощупать находку, и тут увидел вокруг себя десятки разноцветных шаров, бус, стеклянных зайчиков, мишек, круглых часиков, звездочек, Дедов морозов, снегурочек...

Это были елочные игрушки. Быть может, за последние лет двадцать они впервые увидели человека. Уже потом я узнал, что фабрику закрыли ещё в девяностые: оборудование вывезли, а последнюю партию новогодних украшений забрать забыли. Или она оказалась никому не нужна.

Мне захотелось рассмотреть весь цех, для этого я попытался открыть другие окна, но они уже не поддались. Зато открылись окна в прошлое. Глядя на груды елочных игрушек, меня захватили воспоминания детства.

Детство я провел с бабушкой, мы жили по другую сторону металлургического завода. В промышленном районе. Из нашего окна было видно всего пару труб и гигантский факел. По утрам район оглушал заводской гудок. К вечеру дышать становилось практически невозможно – куряга-завод гордо и бессовестно убивал горожан своим «никотином». Убил он и мою бабушку, онкология. Это случилось за год до того, как я устроился на фабрику игрушек – нежные воспоминания были ещё свежи.

Я перебирал игрушки и вспоминал, как мы 27 декабря доставали маленькую искусственную ёлку, ставили её на кухонный стол, потом бабушка снимала с антресоли заветную коробку – в ней лежали стеклянные герои Нового года: украшения для ёлки и много-много ваты, которую закладывали у основания пластмассовой ели.

Помню, бабушка ставила меня на стол до тех пор, пока я не стал выше ёлки. Потом я развешивал игрушки с табурета. Наряжали мы всегда в одном и том же порядке. Сначала – стеклянные шары, синие, красные, в горошек и просто бесцветные, потом за ветки цеплялись зайчики, олимпийские мишки, звездочки, бородатые мужики, женщины с коромыслами, продолговатые зеленые и фиолетовые сосульки, птицы, петушки, часы, маленькие теремки... Затем из коробочки доставались длинные-предлинные бусы, ими можно было в несколько раз обмотать всю елку. Потом мишура, дождик. И вот наступало время для самого сокровенного.

Бабушка отщипывала от большого куска ваты маленькие пушинки и посыпала ими нашу красавицу. Они снежинками падали на игрушки, на бусы, на ветки... В этом простом действии было столько волшебства, что я не мог оторвать взгляда и сам не сразу решался взять свою щепотку ватного снега.

Затем нарядная елка переносилась из кухни в зал и ставилась на телевизор. До старого нового года игрушки с нижних веток перемигивались с горящим черно-белым телеэкраном.

...Всполохи огня за окном фабрики высвечивали все больше игрушек. И целое море стеклянной разноцветной крошки на полу. Ни в одном театре, ни в одном кино не смогли бы сделать столь необычных декораций, в каких оказался я в ту ночь. Семнадцатилетний парень. Зависший между сказочным детством и безнадежным – как казалось мне тогда – будущим.

Время шло. Меня, должно быть, уже хватились внизу. Пора было возвращаться. В тот момент я пообещал себе, что ещё не раз вернусь сюда и, уж конечно, перетаскаю отсюда все игрушки. На первый раз я подобрал с бетона синий шарик: с одной стороны его были нарисованы куранты, с другой – Кремль. Точно такой же часто гостил на нашей елочке, а один раз мы установили шар вместо рождественской звезды.

Игрушку я положил во внутренний карман спецовки.

Никому в цеху о своих открытиях я не сказал. Было жалко делиться своими чувствами. Хотелось молчать, наверное, еще и поэтому я так быстро согласился сходить за пивом.

Я часто думаю, что на самом деле каждый сотрудник нашего цеха не раз бывал наверху. Бывал в одиночестве. И каждый из них предпочитал никому об этом не рассказывать.

...После удара ножом гопари прыгивают с меня и окаменевают. Первым столбенеет черт с лицом зэка, отмотавшего лет тридцать.

Зэк смотрит дико, тупо. Не удивлюсь, если он сейчас мочится.

– Ты нах его бахнул? – наезжают на черта его дружки.

Но тот не слышит. Чувства тоже отказали – нож падает ему на ногу, а он, кажется, даже не замечает.

Всю эту драматичную сцену обрубая я. Ударом все в ту же переносицу. Ударяю и срываюсь с места быстрее гоночной машины.

Воздух режет мне ноздри и заливается холодом внутрь. Ко мне возвращаются сразу и силы, и мысли. Смех сменяется слезами. Я бегу на единственный горящий фонарь фабрики. На дым из трубы. За мной – мой напарник. Он кричит: «Да стой ты, они отстали». Но я бегу.

У проходной напарник стучит мне по спине: «Катафалку зовем?». Он видит мои слезы, облизывается, на мгновение теряется, облизывается снова.

– Больно?

Я расстегиваю спецовку, ныряю правой рукой во внутренний карман и достаю оттуда осколки елочной игрушки.

Напарник ржет.

Осень на пилораме

В тот день я вышел из дома под самый заводской гудок – наш район находился вблизи металлургического комбината, на котором по старинке начало дневной смены обозначалось продолжительной сиреной. Мне она нравилась: я представлял себя моряком, спешащим на отплывающий корабль. Обычно гудок сопровождал всю мою дорогу до школы, но в этот раз, едва я вступил на тополиную аллею, занимавшую чуть ли не половину моего пути, знакомый звук перебил другой шум – что-то безостановочно ритмично взвизгивало и сотрясало воздух.

Через несколько шагов – новые непривычные изменения. Щиплющий запах свежего опила. Как же я полюбил впоследствии воздух аллеи в такие моменты – засохшая осень, пыль усталых тополей, распиленная древесина... Когда все это смешивается и раздувается ветром, то ощущение, будто ты попал в самое нутро природы, в самую ее сердцевину, и чувствуешь теперь ее первозданный, ничем не испорченный запах. Но всем этим я наслаждался позже, а в тот день я с любопытством ускорил шаг – кто, где и что пилит?

Звук и запахи шли с пилорамы. Так называлось продолговатое одноэтажное здание в конце аллеи, если идти в школу, и в начале – если возвращаться домой. До этого дня здание стояло заброшенным, но в это утро двери пилорамы были гостеприимно распахнуты. Я подошел ближе: что-то внутри снова взвизгнуло – и в проем дверей полетели брызги опилок. Я осторожно заглянул внутрь. Большое вытянутое помещение освещалось всего одной лампочкой. Под ней стоял стол, чуть в стороне от входа – станок с диском, который и распиливал подставленную к нему доску. За этим станком работал рыжеволосый парень. Он улыбнулся мне и махнул рукой, мол, заходи. Но от стеснения я не сделал больше и шага.

Разделав доску на несколько реек, рыжий передал их другому столяру, тот понес деревянныешки на стол, зажал в тисках и принялся строгать рубанком. Был там еще один рабочий. Он возился с чем-то в углу – я тогда не разглядел.

Впечатления от увиденного весь день не давали мне покоя. Я мечтал, как после уроков снова пройду мимо пилорамы, снова услышу взвизгивание от встречи железа и дерева и снова вдохну этот пьянящий всех мальчишек запах опил!

И вот после уроков я бегу к пилораме. Еще издали я услышал шум станка, удары молотком, легкие перекрики мужских голосов. На этот раз работа кипела прямо под тополями.

Станки, стол, люди – все было на улице. Из пилорамы тянулся к широкой железной пиле лишь длинный провод. Рядом с входом стояли уже готовые оконные рамы, двери. Еще одни двери сейчас домазывались олифой на столе.

– Ну вот! Видал?! – похвастался мне рыжеволосый. – Иди скажи родителям, что если нужны двери, то мы сделаем по дешевке!

Обо всем я, конечно, рассказал бабушке. Она заинтересовалась: ей было важно даже не то, что некогда работавшая пилорама снова открылась и превратилась в столярную мастерскую, а то, что теперь там делали двери. Все происходило в 97-ом году, новости о квартирных кражах и взломах приходили каждый день в таком количестве, что бабушка моя даже придумала целую систему защиты. Со стороны коридора она приставляла к нашим дверям табурет, на табурет ставила швейную машину. «От взлома не спасет, но когда будут открывать дверь, то это упадет, я хотя бы успею соскочить с постели», – говорила бабуля.

Двери заставляли не только мы – в те годы страх быть обворованными, избитыми, изнасилованными крепко въелся в кровь и мозги людей. Цена человеческой жизни снова, как во времена революции, упала ниже плинтуса, а произвола при этом становилось все больше. Те, у кого в семье были мужчины, обзаводились ружьями и ножами; у нас же мужчины не было, да и нож был в одном экземпляре, не точенный.

На следующий день бабушка пошла провожать меня в школу. Мастерская уже работала.

– А, это наш любопытный! Повезло вам с мальчишкой! – сказал бабушке уже знакомый мне рыжеволосый парень.

– Ой, не говорите! – ответила она. Рыжеволосый улыбнулся:

– Двери нужны?

Дальше бабушка в привычной своей простой, доверительной манере рассказала мастеру о своих раздумьях, что она пожилая и взять у нее в доме нечего, но если зайдут, то последнее унесут, а времена нынче такие, что даже посуду тащат и розетки выкручивают. Страшно. Дальше бабушка снова повторила – она любила это повторять – что у нее-то брать нечего, одни искусственные дубленки, а из золота – только зуб, на котором держатся вставные челюсти. Но все равно если залезут, то напугают Максима, то есть меня, а она одна воспитывает мальчишку, а если не дай Бог замахнутся на ребенка... В общем, подводила бабуля, давно подумывает она сменить свои тонкие двери на какие-то более прочные.

– Денег у меня, конечно, нет, – сказала она, – придется занимать, поэтому вы уж сильно не дерите.

– С вас возьмем только за материал, – пообещал мастер и погладил меня по голове, – меня Леша зовут, а тебя Макс, значит?

Я кивнул.

– Диктуйте адрес, мы придем вечером, замерим. Дальше договоримся.

Вечером пришел Леха. Померил раму, назвал цену. Бабушка усадила его за чай с лепешками. Лепешки бабуля пекла чудные – толстые, жирные, я их уплетал с вареньем будь здоров.

За чаем Леха рассказал, что он давно со своими друзьями положил глаз на заброшенную пилораму, а тут как раз его сократили с завода. Еще одного друга уволили с мебельной фабрики, надо было срочно что-то делать. Вот и взяли в аренду у местных властей пустующее здание. Позвали в дело нескольких знакомых. «Теперь лучшие двери и окна будут у нас» – прорекламиривал Леха. Он вообще был в первое время нашего с ним знакомства на оптимистичной волне. Строил планы, радовался, как с первых дней удачно пошел их бизнес, обещал бабушке со временем, вот только раскрутятся, бесплатно поменять оконные рамы.

Дня через два Леха вернулся с бригадой плотников и новыми дверьми, крепкими, деревянными, для прочности обитыми толстыми рейками.

Я запомнил тот день. Он для меня оказался очень важным.

Когда рабочие только пришли, Леха протянул мне пакет: «Это тебе. На память». Однако я почему-то не стал, как свойственно детям, сразу же лезть в пакет. Я заморожено наблюдал за работой, как долго сверлили бетонные стены, как пилили рейки, как вставляли коробку в проем, как подцепляли саму дверь. Все это было ново для меня. К тому же, мне нравилось, как легко и слаженно действуют рабочие, обмениваясь при этом между собой и бабушкой легкими добродушными шутками.

– От кого, бабуля, запирается вздумала? Кавалеры одолели? – смеялся один из них.

– Да ну тебя! – улыбалась смущенная бабушка. Раздавался общий хохот.

Когда работа была сделана, бабушка, конечно же, всех усадила за свои лепешки. Тут-то только я вспомнил про подарок. Раскрыл пакет и увидел толстую-претолстую книгу в твердом желтом переплете. Золотые буквы сообщали, что в руках я держу антологию зарубежной поэзии.

Я обожал книги и так обрадовался этому подарку, что тут же обнял Леху, хотя обычно был довольно сдержанным и стеснительным мальчишкой. Первым делом я, конечно, посмотрел, сколько страниц в этом кирпиче – около семисот. Перелистывая на ходу, я увидел, что там еще есть и цветные иллюстрации.

– Это же, наверное, очень дорого? – обеспокоилась бабуля.

– Нынче книги ничего не стоят. Ему нужнее будет.

Эта антология стала одной из важных книг в моей жизни. Именно с нее началось мое осознанное увлечение литературой. Как же все-таки не случайны встречи людей на земле. И какие интересные узоры плетет Промысел. Через плотника мне была передана книга большой и настоящей поэзии!

Мы подружились с Лехой, я стал часто по дороге из школы забегать в мастерскую, меня учили строгать и шкурить доски, забивать гвозди, покрыть древесину олифой.

Но больше всего мне нравилось смотреть часами, как огромный диск ровно расщепляет доску на две, или ровняет ее, при этом в разные стороны, как вода из пробитой трубы, льются фонтаны опилок. Они были такие мягкие, что когда я подбирал щепотку свежих опил с пола и растирал ее пальцами, то она превращалась в пыль. Пальцы потом долго пахли свежим деревом.

В перерывах мы с мужиками пили крепкий мятный чай. Хотя перерывами это назвать трудно – рабочие то и дело ходили по мастерской, держа в одной руке и кружку и сигарету, а другой то ощупывая дерево, то уже готовые двери. При этом все время обсуждались разные тонкости – какой материал лучше пойдет для обивки шкафа, чем смазать дерево перед тем, как покрывать лаком, чтобы лучше пропиталось, на каком расстоянии от пола просверлить глазок для новой двери, ведь ее заказала совсем низенькая старушка? К этому времени меня уже привлекали к обсуждению некоторых вопросов, разговаривали со мной совершенно серьезно, иногда советовались. Например, глазок для старушки высверлили под мой рост.

Леха тоже часто стал заходить к нам на лепешки. На жареную картошку и бутерброды с шоколадным маргарином. Это все, что мы тогда ели сами, этим и угощали гостя. Леха рассказывал, что клиентов становится больше, что он уже почти полностью выплатил долг, который взял на аренду пилорамы. Рассказывал о своей семье – жена пилит, что поздно возвращается с работы, ревнует, дочка растет красавицей. Много говорили о политике – в те годы вообще много о ней говорили, как и о бандитизме. Бандитов развелось много. Ими теперь вместо бабаек пугали непослушных малышей.

Так прошло месяца два. Я вдыхал осень, опил и поэзию, переживая, наверное, самые счастливые свои детские дни.

Где-то в начале ноября, сразу после праздника – тогда еще по инерции отмечали годовщину революции – я как всегда, ровно в восемь, вышел из дома.

Улицы уже готовились к зиме. Были темными и сырыми. В воздухе пахло догнивающей травой. Да и сам воздух уже начал наполняться морозом, ветер все настырнее сдергивал с деревьев последние рваные листья и трепал мой вязанный шарф. Большой черный ворон, который неизвестно откуда прилетел этой осенью и обычно задиристо и надменно встречал меня на тополиной аллее, теперь кричал на небо, как проигравший Бонапарт, с обидой и тоской.

С пилорамы как обычно летели глухие звуки. По утрам там старались не включать станки, а занимались тихой работой – строгали, шкурили. Когда я подошел ближе, из цеха вышел Леха. Он был глубоко в себе, курил, медленно разматывал провод удлинителя:

– Сегодня, наверное, последний раз на улице поработаем. А то холодно уже, как думаешь? – спросил он меня так, будто от моего мнения и правда зависело, поработают они еще на воздухе или спрячутся до весны на пилораме.

И почему-то этот вопрос, эта Лехина интонация, с которой никто из знакомых мужиков пока еще со мной не разговаривал, весь день вертелись в моей голове, отвлекая от уроков и приключений перемены. Почему-то мне казалось, что этим своим вопросом Леха хотел сказать что-то еще, может быть, не мне, может быть, даже себе, или последней листе, или ворону.

Когда я возвращался со школы, на площадке перед пилорамой уже никто не работал, дверь в мастерскую тоже была закрыта. Это напугало меня. Я стал громко тарабанить и кричать: «Откройте, это я! Пустите меня!»

Спустя время щекотка щелкнула, на пороге стоял Леха.

– Закрой за собой, – сухо сказал он.

Что-то случилось – понял я. Помню, что сначала я учуял спертый запах перегара. Будто пили здесь годами и не проветривали. Такой же запах стоял в квартире наших соседей, безнадежных забулдыг. Потом я заметил, что все мастера о чем-то сильно грустят. Их лица, да и вся эта сцена – взрослые мужики сидят за столом понурые, поникшие – все это напоминало похороны. Я очень часто бывал к тому времени на похоронах: умирали тогда многие – и старые, и молодые, и дети.

– Кто-то умер? – спросил я и испуганно посмотрел на парней.

Помню точно, что мне тогда не ответили. Усадили за стол, дали мятную конфету, спросили что-то про школу и про здоровье бабушки. Друг с другом они тоже не разговаривали, только пили из стаканов водку; лишь иногда то Леха, то круглолицый дядя Миша коротко спорили о чем-то мне непонятном и странном.

– Может, все-таки к Волку? – спрашивал Леха, постукивая толстыми черными ногтями по граням стакана.

– Да бесполезно все, говорю. Эти уроды даже ментов держат.

– Ты думаешь, они не под Волком?

– Под ним! Все под ним.

– Может не он их. Может, сами? Как на лохов?

После нескольких таких реплик Леха резко встал со стола, быстро подхватил меня на руки, как малыша – я даже не успел удивиться – и выставил на улицу. Через пару секунд выскочил сам, в расстегнутой замшевой куртке.

– Пойдем, я тебя провожу, – предложил он. И снова замолчал. Я тоже не нашелся, как правильно спросить о том, что наблюдал в мастерской.

В конце аллеи, если возвращаться по ней из школы, или в самом ее начале, если идти в школу – там, где обычно плакался ворон – Леха взял меня за руку и повернул не в сторону моего дома.

– Сходи со мной. С тобой пустят, – сказал он нервно и снова закурил.

– Куда? – забеспокоился я, – а бабушка?

– Да мы недалеко, в гости тут к одному дяде, бабке твоей я сам все объясню.

Я очень любил бабушку и очень хорошо знал, как она любила меня – по этой причине мне влетало каждый раз, если я вдруг не приходил со школы вовремя. Но я не нашел никаких слов, чтобы перечить Лехе. Он был сам не свой – даже рыжие волосы казались не его, какие-то они мятые, полинявшие, седые.

Мы пришли в один из двухэтажных бараков, какими наш район был наводнен еще со времен грандиозныхстроек заводов и железных дорог. В таких же домах жили почти все мои друзья и одноклассники. На подъезд здесь обычно приходилось по четыре квартиры, но в том бараке, куда привел меня Леха, квартира была одна, на втором этаже – ступеньки пролета сразу вели к ее порогу. На первом же этаже я заметил спортивный зал с барной стойкой.

Двери нам открыла пожилая низенькая женщина в красно-черном халатике. Она напоминала учительницу.

– Я по делу. Передайте, что я с пилорамы, – сказал ей Леха, даже не поздоровавшись.

Женщина закрыла двери, но через минуту вернулась. Не обращая никакого внимания на Леху, она тут же накинулась на меня со всей лаской стареющей горожанки:

– Какой красивый мальчик! Проходи скорее ко мне, я тетя Лиля, у меня есть вкусные чупа-чупсы и Турбо! Целая коробка! Я тебе подарю!

Наученный тем, что к незнакомым людям надо относиться с подозрением, я не поспешил в квартиру, а для начала вопросительно посмотрел на Леху. Тот махнул рукой, мол, все нормально.

– Раздевайся вот тут! Мы пойдем с тобой на кухню, пока взрослые будут решать дела, – женщина продолжала играть со мной в маленького: она сняла с меня пальто, поднесла тапочки, потрепала за волосы.

Пока тетя Лиля расстегивала мое пальто, я успел разглядеть длинный коридор: он тоже не был похож на те, что были у моих друзей – уж коридоры-то мы детьми запоминаем лучше всего. В них мы проводим много времени в ожидании медлительных товарищей. Так вот, если в обычных коридорах комнаты расходились по разные стороны, и этих комнат было максимум две, то здесь лишь с одной стороны виднелись двери, и дверей я насчитал пять или шесть. С другой стороны шла сплошная стена, заставленная книгами и журналами.

С Лилей мы действительно пошли на кухню, она напоила меня чаем с шоколадными конфетами, подарила чупа-чупс и коробку любимой жвачки. Расспросила о школе, о поведении, о том, каким занимаюсь спортом – в общем, не была оригинальна. Я же спросил – откуда и зачем столько журналов?

– Это муж.

– А это к вашему мужу пришел дядя Леша?

– К нему, да. А почему дядя? Отчим? – спросила Лиля и заулыбалась, пытаюсь смазать мое впечатление от ее бестактного вопроса.

Я ничего не ответил. Мне почему-то эта улыбка показалась противной. Гнетущей казалась мне и обстановка. Кухня была уставлена дорогой по тем временам техникой – посудомойкой, новой газовой плитой, громоздкими шкафами, цветными лампами; под потолком висели старинные иконы, практически все – темные. Позже я узнал, что сочетание безвкусного богатства с религией было пискom моды для тех людей, чьим гостем я вынужденно оказался.

Я молчал. И Лиля молчала. Если бы в эту минуту вышел Леха и забрал меня отсюда, то я бы бросился целовать все эти иконы! Но Леха не шел, а меня мучило желание сорвать образа с этих стен и унести бабушке. Так мне хотелось их спасти – не сами доски, а святых. Я остро почувствовал, как им здесь неловко.

Наконец, появился Леха. Поблагодарил Лилю за то, что «повозилась с парнем», положил коробку жвачки за пазуху, и мы пошли на улицу.

Конечно, я тут же спросил:

– А кто это был?

Конечно, Леха мне не ответил правду:

– Так, одни знакомые. Прости, что тебя втянул в это.

– Во что?

Леха снова не ответил.

– Бабушка нас заждалась, поди! Вот нам попадет! – наигранно съезжал он с темы.

А дальше произошло еще одно, что на всю жизнь поселилось в моей памяти, стало ее маркером, меткой. Леха вдруг прижал ладонь к глазам...

Я впервые видел, как плачут взрослые мужчины. И был потрясен этим настолько, что встал как вкопанный. Ноги отказывались идти. Леха не заметил, что я отстал. Он шагал быстро по мокрому осеннему асфальту, его затылок, шея и спина дрожали. Помню, усилился ветер, он гнал Леху в спину – коварно и жестоко.

С тех пор я не люблю холодный осенний ветер. Он приносит воспоминания о пилораме.

После того дня я заболел. Неделю не ходил в школу. К моему выздоровлению осень окончательно сдала позиции. Было уже совсем мерзко, бескрасочно и морозно. Я шел на уроки с заранее плохим настроением – по погоде. Заводской гудок встретил меня на выходе из подъезда, проводил до тополиной аллеи и повел по ней, ничем не перебиваемый – со стороны пилорамы не доносилось даже легкого стука. Потом в нос мне ударил запах пожарища. Помню, что ноги мои подкосились. И я все понял, ничего не увидев.

На месте пилорамы дымилась свалка угля и почерневшего металла.

С тех пор никого из рабочих я не видел, ничего о них не знал. По району ходили слухи, что пилораму сожгли даже не бандиты, а милиционеры – от греха подальше. Так в те времена было принято, так решались многие проблемы. Что касается Лехи, то его якобы убили. По другой версии он сгорел заживо на пилораме, так как в ту ночь остался за дежурного. Я во все эти байки никогда не верил.

В школу с тех пор я ходил другой дорогой.

Прошло много лет. Я поступил в университет на заочку, устроился работать грузчиком на логистические склады. В одну из первых смен, когда переносил на погрузчик коробки с продуктами, вдруг услышал знакомый голос:

– Ну что, книжку с поэтами-то еще читаешь?

Это был Леха, постаревший, полысевший. Но я узнал его сразу. Вот только как он узнал меня?

– Слышал, бабуля твоя умерла, жалко... А ты почти не изменился. Вон, глаза какие любопытные! – его голос был уже не такой задорный и пацанский, как раньше.

– Ты-то как, Лех?! Говорили, что тебя убили.

Леха рассказал, что у него все отобрали, оставили ни с чем, одного из друзей сделали инвалидом, остальные сами отвернулись.

– Это разве не убили? Жена с детьми ушла. К родне на Украину уехала. Тут вот теперь маюсь. Убили, это ты правильно понял.

Я не знал, что отвечать ему. Говорить о грустном не хотелось – наоборот, я был страшно рад увидеть здесь того самого столяра, который научил меня заколачивать гвозди! Но все-таки где-то на подсознании Леха для меня ассоциировался с горем, со страшными девяностыми годами. А это те воспоминания, к которым мне и моему поколению еще нескоро захочется возвращаться.

– Слушай, а давай выпьем, – предложил я, – на мой участок завезли классный натуральный сок, пару банок распечатаем – за встречу!

– Не, лучше бабку твою помянем! Ее лепешки мне до сих пор снятся! – Леха засмеялся, и мы пошли напиваться соком.

На складе я работал чуть больше месяца, потом уехал на сессию в другой город, там и остался на несколько лет.

По ночам мне еще долго снилась та серая мокрая аллея, противный навязчивый гудок, карканье ворона и сгоревшая пилорама. Во сне я даже чувствовал запах свежего пепелища.

Убегая от дыма

Эта история началась со слов, с которых в наших краях начинаются драки: «А я тебя помню». Только в этот раз к драке ничего не располагало. Я пил с друзьями в местном кабаке; когда друзья вышли покурить, ко мне подсел седовласый пенс, до этого в одиночестве хлеставший коньяк за соседним столиком. Я давно обратил на него внимание: старики – нечастые посетители подобных заведений.

«А я тебя помню, мы тебя с твоими товарищами задержали после матча», – и тут он озвучил точную дату матча, названия команд и даже то, что в тот день сыграли вничью.

Я помнил, за что нас тогда задержали, помнил, чем все удивительно для нас закончилось, но этого пенса, как ни старался, из памяти не выудил.

– Да ты не напрягайся, я же так просто подсел, лицо знакомое увидел, – тон его был доброжелательным, мягким. И после он разговаривал со мной, как с любимым зятем.

– Из ментовки?

– Начальник. Той самой, куда вас увезли. А узик перевернутый помнишь? Это тоже наш узик был. Задоев моя фамилия.

Ё-моё, полоснуло меня где-то там, докуда в черепной коробке обычно поднимается коньяк. Задоев был грозой местного района. Все боялись или бандитов, или Задоева. Я его никогда не видел, да и мало кто видел. Я вспомнил, что он представлялся мне обычно огромным горцем чуть ли не с саблей и почему-то с одним глазом – очень злым. Бабай, короче. А тут маленький старичок с добрыми глазенками. Понятно, что с тех времен прошла тонна лет, но все же...

– А что за узик? – я реально не сразу вспомнил.

– Ну как же? Вы еще там написали свое акаб, All Cops Are Bastards, – расшифровал Задоев на хорошем английском и тут же на полупьяном русском перевел: – «Все копы ублюдки». Кажется так, да?

Разговор мне начинал нравиться. Еще больше мне понравилось, что Задоев быстро подкурил мою сигарету и больше ничего не говорил.

Бьюсь об заклад, что он в тот момент вспоминал – старики легко поддаются памяти. Я тоже вспоминал – это было время, о котором вспомнить не грех.

В дверь постучались. Задоев кашлянул. Майор из угрозыска открыл двери: его глаза смеялись – только что он увидел что-то очень забавное.

– Григорич, привезли. Иди глянь, я валяюсь! – майор заржал и пошел в сторону выхода, дверь за собой не закрыл.

Во дворе стояла привезенная от стадиона милицейская машина. Задоев сразу же вслух на нее выругался: «Шалава» (с тех пор эту машину так и называли все милицейские, до самого списания). В оценке Задоев был точен. Именно так выглядят пойманные в ночных рейдах шалавы – с подбитыми глазами (машина была без фар), с царапинами по всему телу (железо узика знатно покоцано), с глубокой раной от ножа или розочки в районе живота (вмятина в водительской дверце говорила, что машина упала на каменную урну или на шлакоблок), с наколкой на плече или на голени (на правой дверце красовались выписанные черным баллоном четыре английские буквы).

Задоев ничего не говорил, курил молча, соображал, что теперь делать. И с машиной, и с той шпаной, что так ее расхерачила. Он уже знал, что задержать пока никого не удалось: ребята работают, конечно, но кого там выловишь, если даже сами эти ребята не запомнили лиц. Можно, конечно, повязать тех, кто уже известен из этих так называемых «ультрас», но тогда

надо найти причину. Сказать, что за перевернутый узик – нельзя, смеху будет на всю область, да и вопросы от начальства прилетят – куда смотрели?

Один экипаж на целый стадион – это и правда тупость. Но кто ж знал-то.

В тот день на матч пришел практически весь движ. Даже новеньких полно было. Все знали – на дерби всегда весело. Наши играли с командой из областной столицы, там фанатъя раз в десять больше. И все они приехали к нам. Сто тридцать километров – не расстояние, как в соседний район на выезд сгонять.

Уже с утра весь парк у стадиона был наполнен парнями с розами и на брендах. То есть, с шарфиками цветов любимой команды и в одежде котируемых в околуфутбольных кругах фирм.

Пили пиво, пели песни, скандировали кричалки, гоняли местную гопоту и разводили телок на приятные десятиминутки тут же в кустах, особо романтические уходили куда-то к пруду на другом конце парка.

В общем, ничего вызывающего не происходило. Довольно в мирной атмосфере ждали матча.

Первый тайм тоже прошел спокойно, красиво даже. Секторы гостей и мы накрылись широченными цветными баннерами, на которые к концу матча дождем падали искры зажженных файеров. Заряжали здраво: от наших скандирований временами дрожал дым заводских труб – за нашим сектором начиналась промзона. В общем, и на стадионе мы были молодцами, перед гостями – не в грязь лицом.

Откуда только появилась эта тетка в форме, с жопой, как мешок с футбольными мячами! Никто не вспомнил потом, с какой стороны трибун она подошла – может, сверху упала.

Был перерыв, половина разбежалась под трибуны.

– Вам, – говорит, – по сколько лет всем? Несовершеннолетние, – говорит, – есть? Сюда подходите!

Ага, разбежалась! А что касается несовершеннолетних, то тут только такие и были. У нас движ молодой, только-только начали тогда в группировку сбиваться.

– Я что, не по-русски говорю?

– А вы что, другие языки знаете? – съязвил Лещ. Он уже на первом курсе универа учился, о чем всем рассказывал, особенно после двух-трех банок пива.

– А ты что, самый умный? – наехала бабища.

– Да, в университете учусь.

– Сюда подошел! – заводилась бабища.

– На х..й иди, – заводился Лещ. Ему не понравилось, что какая-то шмара на него орет. Да и кому понравится такое в семнадцать лет?

Милая женщина со стройной фигурой (как потом выяснилось – из отдела по делам несовершеннолетних) сама была виновата во всем случившемся после.

– Вы у меня отсюда не выйдете, все поедете в обезьянник, там я вас буду посылать! – кипела дама.

– Как мы поедем, если не выйдем? Вы где учились? – продолжал язвить Лещ под дикий хохот заполняющегося сектора.

И ведь не обманула. Обиделась, вероятно, сильно. После матча у выхода нас ждал автобус, почему-то ПАЗ, хотя нас человек сто шей было. И человек триста приезжего фанатъя – тоже молодого, наглого, пьяного. Помимо всего прочего, они были на выезде, а значит – гораздо смелее.

Автобус упал как-то вдруг сразу. Хорошо, водителя не было – курил рядом. Тяжелый грохот стукнувшего об асфальт железа и разбивающегося стекла подбавил нам адреналина. Над парком понеслось дружное сплоченное скандирование всех сотен шей: «Мусора,

сосать!» Зажглись, будто специально оставленные для этого случая файеры. И, как по команде, дружно полетели в стоящий тут же милицейский уазик. Водитель включил сирену, выбежал из машины. Странно, что он никак не отреагировал, когда упал автобус. Да и теперь особо на рожон не лез – наши парни прямо на его глазах раскачали и уронили его «рабочее место». Заряды «Мусора, сосать!» повторялись все чаще.

Тут кто-то увидел в окне раздевалки под трибуной ту красотку, что испортила всем настроение. Вмиг окно было осыпано градом бутылок и камней. Особо рьяные хотели даже залезть в раздевалку, но их остановили – потасовка потасовкой, но не бить же морду бабе, пусть даже такой тупой?

Когда где-то с дороги послышались сирены, все четыре сотни парней подорвались и довольно быстро рассосались по большому парку, а кто-то сразу подался в сторону промзоны.

Я был один из тех, кто знал эти места – сам жил в том районе, – и потому сбежал через завод.

Задержали в тот день только несколько человек из приезжих, но тут же отпустили – потому что, конечно, они сказали: «Ё-моё, мы сами в шоке от этих дебилов, спасибо, что вы хоть быстро приехали. А то мы думали, всё, кранты нам! Спасибо, ребят, честное слово, спасибо!» Тогда еще наши менты не были знакомы с околофутболом, им можно было заливать все что хочешь – они верили самым глупым, наигранным интонациям и выражениям лица. Даже если бы кто-то плакал и в это же время рисовал маркером на рубашке мента член, то даже за это вряд ли бы задержали.

Были времена!

– Да, были времена, – следовало продолжать разговор с Задоевым. Я подсел к нему поближе, чтоб не перекрикивать клубные басы и визжащих на танцполе баб. – Ну, вы же не в обиде?

– Да что ты! – отмахнулся Задоев. – Теперь есть хоть, о чем вспомнить. А то одни ушлепки да бытовуха.

– Тогда за встречу! – и мы опрокинули по стопке.

– А я тогда долго думал, что же с вами делать, – стал закусывать воспоминаниями Задоев. – Да если честно, тогда не знал, за что и хвататься. И людей не было. Время, сам помнишь, какое. Нарколыги, разбой, разборки. Нет, конечно, если бы вы просто кого побили из наших, мы бы сорвали весь город, но за машину позориться не хотелось. Сами разберемся.

Пенсионер начал разгоняться – оказалось, что он чересчур болтлив. И не так интеллигентен, как рисовался до этого.

Впрочем, эта болтовня будила ностальгию. Я курил и слушал. И мне было хорошо.

– Водила с расхераченной шалавы сказал, что через неделю снова матч. И что типа там будет драка. Не на самом матче, а до или после. Тут-то я только и узнал, от него же, что есть, оказывается, в городе своя группировка футбольных хулиганов, и что они даже регулярно забиваются с теми, с кем у них...

– Война.

– Ну да, с кем контры. А я-то до этого, лопух, отвечаю, думал, такое только по телику. А тут у меня на районе, перед носом. И, прикинь, оказалось, пол-отделения знали об этом, но всем было пофиг. «А что, они никого не трогают. То, что огни жгут – это проблемы стадиона, но от руководства клуба заявлений не поступало!» Понял? Вы-то думали, поди, что мусора-ублюдки просто фишку не секут, поэтому не напрягают. А всем на вас было просто пофигу! Вот и просрали тачку!

Задоев говорил все это так, как будто рассказывал байку – весело. Ни обиды, ни злобы. Даже не хотелось ему сказать, что «Вы сами мудаки, мы уже к тому моменту года два существовали, весь район на ушах держали в дни матча, а вы, только когда вас отмудохали, заме-

тили! Ну не идиоты ли?» В другой раз, при других обстоятельствах и интонациях, я бы все это сказал, но здесь хотелось обнять этого наивного старика!

Но с наивного тона он вдруг перешел на философский.

– А я ведь тогда так подумал – не надо пытаться понять, кто они, надо понять, почему они делают это. Я запросил в местных СМИ фото и видео с вашего сектора. Нет, конечно, мы могли, повторюсь, кого-нибудь вычислить, расколоть, посадить пару-тройку, но я тогда решил понять – по-че-му. А посадить мы всегда успели бы!

– Очень интересный поворот! – резюмировал я.

– Так вот, Максим...

Так, стоп... Мы же не знакомились! Выпили, но не познакомились. Хотя, может, он помнит мои репортажи на местном ТВ, я там работал когда-то.

– А вас как зовут по батюшке?

– Рустам Григорьевич! Так вот, Максим, я рассмотрел ваши фото тогда и понял, что имею дело с необычной бандой!

– Да мы и не банда, это же...

– Знаю-знаю. Движение, группировка, никому плохого не делали, кроме ментов и хачиков, знаю. Но для меня-то вы банда. И не такая, как все. Я видел, что вы хорошо одеты, что глаза у всех умные. Были, конечно, среди вас и отморозки, но больше было умных парней. Я в людях разбираюсь. И вот тогда я снова стал думать – почему, зачем им все это? Все эти кричалки, файера, мордобои?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.